

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Египетские приключения

ЦЕНТРОРИК

Оливия Кулидж

Египетские приключения

«Центрполиграф»

Кулидж О.

Египетские приключения / О. Кулидж — «Центрполиграф»,

В книге собраны захватывающие истории о жизни древних египтян в самый таинственный, прекрасный и трагический период египетского Нового царства. Автор рассказывает об экзотических реалиях Древнего мира: жестоких фараонах и верных воинах, Городе котов и городе мертвых, о черном маге, пророке Моисее и многом другом.

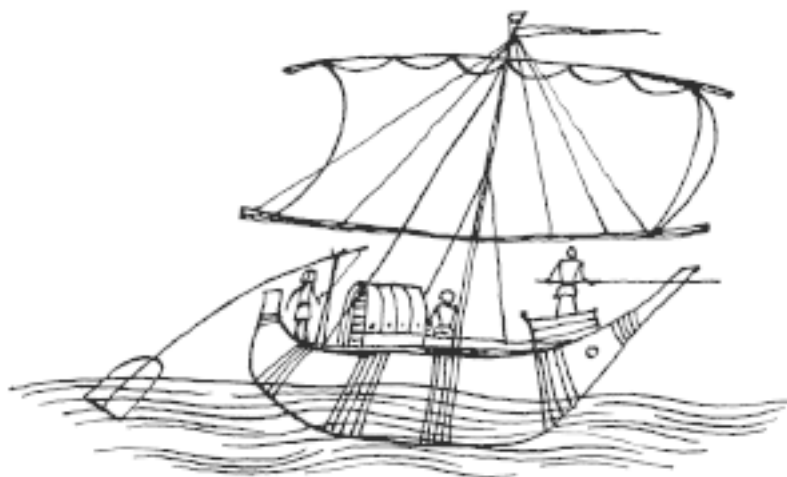
Содержание

Введение	5
Пир котов	7
Дочь плотника	16
Талисман	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Оливия Кулидж

Египетские приключения

Введение

Наши знания египетской истории связаны с сохранившимися картинами, памятниками письменности и архитектуры, и в связи с этим можно заключить, что мы знаем лишь те периоды истории, когда Египетское государство процветало. Когда гражданские войны разрывали Египет или захватчики нападали на страну, египтяне предпринимали все возможное, чтобы выжить, и у них не оставалось ни времени, ни сил на развитие культуры. В связи с этим почти три тысячи лет египетской истории представлены только теми памятниками, которые были созданы за три великих периода, известных как Древнее, Среднее и Новое царства. Древнее царство оставило нам пирамиды, Среднее – бесценные произведения искусства и литературы и Новое – всевозможные памятники письменности, начиная от дипломатической переписки с царями разных стран до развалин домов и картин, изображающих повседневную жизнь. Новое царство датируется 1600–1100 годами до н. э., и все рассказы в этой книге относятся к этому времени.

Новое царство – период расцвета в истории Египта, и жизнь более достаточных классов представлена в полном ее разнообразии. Великие люди становились сказочно богатыми, в то время как положение низших классов населения едва ли улучшилось. Купцы и воины благодаря многочисленным путешествиям изучали другие страны. И даже тем египтянам, которые не покидали страну, приходилось иметь дело с сотнями тысяч чужеземцев: торговцами, солдатами, рабами. Постоянная борьба старых традиций Египта с новыми идеями приводила к яростным конфликтам: чужеземные захватчики приносили в страну как роскошь, так и смуту. А самым важным в Новом царстве было то, что оно представляло собой империю.

Тутмос III – великий воин и государственный деятель – покорил Сирию и принес в Египет богатые трофеи: рабов и сокровища. Благодаря этому начался золотой век Египетского государства. В то же время новые идеи привели к конфликту, в результате которого через несколько поколений империя пала.

Эхнатон – прапраправнук Тутмоса – предал забвению традиционные египетские боже-ства, пытаясь создать новую религию, в которой почитался один бог – бог Солнца Атон, что привело к хаосу в царстве. Эхнатон, вдохновленный возвышенными идеями и мечтами, был настолько занят строительством города Солнца, что не обращал внимания на предостережения

правителей Сирии. К тому времени, когда правитель умер, Сирию почти полностью захватили враги, а Египет находился на грани восстания.

Тутанхамон, зять и наследник Эхнатона, возродил почитание прежних божеств. Культ Атона подвергся уничтожению, построенные храмы были разобраны. Жители спешно покинули город Эхнатона, а имя фараона предали забвению и проклинали: он стал «безымянным фараоном». Тутанхамон умер, не дожив до двадцати лет, но его гробница с золотой маской и богатым убранством каким-то чудом сохранилась. Имя Тутанхамона донесло до нас славу египетского прошлого.

Со времен Эхнатона Египетское государство возвратило свою мощь. Наибольшего успеха в восстановлении царства достиг Рамсес II, самодовольный и своенравный правитель. Одна из его любимых уловок – высечение своего имени на основаниях статуй, в действительности установленных другими фараонами за много лет до его правления. Продолжительное царствование Рамсеса II было последним благополучным периодом Нового царства. Затем начался распад, и еще при жизни фараона мощь государства ослабла и богатства стали иссякать.

Предполагают, что израильтяне приходили в Египет еще до установления Нового царства, в период иноземных нашествий. Скорее всего, исход израильтян с Моисеем произошел во времена правления последователя Рамсеса и показал, насколько ослабла мощь Египта. О четырехсотлетнем пребывании израильтян в Египте мы ничего не знаем, но можем лишь предположить, что идеи Эхнатона более характерны для народов Востока, к которым принадлежали израильтяне, чем для жителей Египта.

Все рассказы этой книги связаны с той или иной вещью, дошедшей до нас из Древнего Египта: картиной, изображающей охотника, обращающегося с просьбой к фараону, отрывком из рассказа о колдунье, которая жила около реки. В них показаны люди разных сословий и возрастов, как богатые, так и бедные, как счастливые, так и несчастные. Возможно, из-за строгой и официальной религии в жизни египтян было много жестокости. Люди, не привыкшие подолгу страдать, принимали печаль и боль как неизбежную часть своего существования. Напротив, египтяне умели радоваться всему: роскошным торжествам, голубым цветкам лотоса, энергичному ритму жизни, проходившей на берегах могучей реки. Думая о другом мире после смерти, они не могли представить ничего лучшего, чем те радости, которые пережили при жизни. Египтяне не знали уныния и скуки. События в этих рассказах, возможно, придуманы, а может быть, произошли на самом деле. В любом случае они описывают полную и радостную жизнь людей. Это делает чтение рассказов волнующим и увлекательным, несмотря на то что древняя цивилизация давно исчезла.

Пир котов

Еще было темно в тени финиковых пальм и толстых глиняных стен домов, когда Асенат и Бетэ появились на дороге, ведущей к реке. Чувствовалось приближение рассвета. Бетэ разделся и прыгнул в заросшую тиной воду за голубыми цветами лотоса. Раздалось ленивое побрякивание разбуженных уток около плавающих домиков, беспорядочно расположившихся вокруг мостика.

Асенат, одетую в тонкое платье, обдало холодом, когда она поймала мокрые цветы, которые бросил ей Бетэ. Она вся дрожала от холода, пока юноша смывал ил с цветов и одевался. Его самое лучшее опоясание, выстиранное несколько месяцев назад в чистой речной воде, было так бело, как одежда богатых людей, разве что грубее. Сегодня он надел сплетенное оплечье, закрывавшее всю грудь, оставив обнаженными лишь загорелые руки, которые блестели от воды. Платок, слегка выцветший, был аккуратно повязан так, что закрывал лоб, а из-за его свисавших концов волос не было видно.

– Нам надо спешить на пристань, – сказал Бетэ, поставив сосуд с пивом на плечо, – мы должны успеть сделать гирлянды из цветов до восхода солнца.

Несколько человек уже возились около лодки, когда Асенат и Бетэ пришли к пристани. Это была деревенская торговая баржа, достаточно большая, но сильно побитая и потому выглядевшая грязной, несмотря на то что ее скоблили и чистили в течение нескольких дней, а заметить залатанный коричневый парус и заново покрасить ее не было возможности. Самую высокую часть носа баржи украшал необыкновенной красоты голубой кот, вырезанный из дерева, с блестящими глазами из зеленого камня и серебряными зрачками. Несколько отважных молодых людей украли этого кота с носа ладьи богатого человека во время одного из праздников. С тех пор жители деревни охраняли своего голубого кота от завистливых глаз всех, кто жил на берегах реки до самого Города котов.

Асенат прикрепила цветок лотоса к волосам, а ее руки вили гирлянды из цветов, охапками лежавших на пристани. Люди приходили группами и приносили все новые охапки. Мужчины прикрепляли гирлянды к стенкам ветхого навеса и украшали нос баржи. Они успели закончить работу до восхода солнца, и женщины объявили, что в этом году баржа красивее, чем в прошлом.

И вот все погрузились на баржу, располагаясь на скамьях гребцов или прямо на палубе, а некоторые даже взобрались на крышу шаткого маленького навеса и сидели там, свесив ноги. Один из мужчин занял место у рулевого весла на корме, чтобы управлять баржей. Бетэ с более легким веслом занял место на носу баржи, чтобы отводить лодку от водоворотов и мелей. Двое

мужчин с силой оттолкнули баржу от берега и запрыгнули на нее. Над пустыней показались первые лучи солнца. Путешествие началось.

Баржа плавно плыла по реке, гребцы дружно работали веслами, направляя ее по течению. Множество других лодок двигалось вдоль берега под крики и возгласы толп счастливых мальчишек, танцевавших на пристани, а когда «Голубой кот» проплывал мимо, они выкрикивали в его адрес обидные слова.

Под свист и улюлюканье из канала появилась другая лодка, выдавшая лучшие дни. Человек с веслом осторожно управлял ею. Над ее носом возвышалась ободранная голова крокодила без нижней челюсти, а выпцветшие красные столбы, поддерживающие навес по углам, свидетельствовали о ее былой роскоши. Поравнявшись с лодкой, люди на «Голубом коте» закричали, а женщины затрясли погремушками, сделанными из бусинок, надетых на натянутые параллельно нити. Асенат почувствовала, что навес пошатнулся, когда одна из женщин, сидевших на нем, вскочила на ноги и замахала «Крокодилу».

– Что же вы даже не отремонтировали свою посудину перед посещением богини? – закричала она, стараясь перекрыть шум и грохот.

Девушка в красном ожерелье танцевала на крыше «Крокодила», умело перебирая ногами и наклоняясь так, что ее спина и руки почти касались палубы. Высокий худой мужчина, стоявший с веслом на носу, повернулся и прикрикнул на рулевого, оглушенного криками, свистом, боем цимбал и забывшего об опасности. Рулевой отчаянно толкал лодку, попавшую в водоворот, который развернул «Крокодила» так, что тот двигался носом на «Голубого кота». Бетэ, перепрыгнув через поручни, с силой оттолкнул надвигающуюся лодку своим веслом. Когда весла двух лодок ударились друг о друга, раздался громкий крик. «Крокодил» медленно качнулся, развернулся и сел на мель.

Худой рулевой не смог предотвратить столкновения, танцовщица шлепнулась на палубу, а люди на «Голубом коте» издали победный возглас. Рулевой на «Крокодиле» поднял руку и со всей силы швырнул весло в Бетэ. Люди на «Голубом коте» поспешно наклонили головы, стараясь увернуться от летящего весла. Когда весло, ударившись о навес, со стуком упало на палубу, внезапно наступило молчание.

– Ну, Бетэ! – закричал рулевой с «Крокодила».

В адрес «Голубого кота» раздались ободряющие крики и возгласы одобрения, а сидящие на крыше запели песню. Асенат подошла к Бетэ, который все еще стоял на носу баржи.

– Тот парень угрожал тебе, – сказала она ему на ухо.

Юноша рассмеялся.

– Это «крокодилы»! – сказал он, обнимая девушку. – Не беспокойся! Мы знаем их. Мы уже дрались с ними в прошлом году.

Все больше и больше лодок двигалось по реке на праздник. «Голубого кота» обогнала ярко раскрашенная с позолотой маленькая лодочка. Под легким навесом, поддерживаемым столбами, сидели двое богатых мужчин так, что их ноги были плотно сжаты вместе, а руки лежали на коленях. Их головы покрывали богатые парики с аккуратными рядами кудряшек и широкие оплечья, блестящие золотом и эмалью. За баржей двигалось широкое старое торговое судно, на палубе которого находился чернобородый сириец и рабы-нубийцы на веслах. Другая деревенская баржа плыла по течению, потому что как раз происходила смена гребцов, и люди, отдыхая, пили пиво.

– Я никогда не думала, что на реке может быть так много лодок, – сказала Асенат, безуспешно пересчитывая маленькие рыболовные лодочки из папируса, которые постоянно выплывали из протоков и каналов.

Бетэ растянулся на палубе в тени рядом с ней. Вдруг он вскочил, изображая насмешливый жест в адрес «Крокодила», показавшегося из-за поворота в четверти мили от них.

– Вот подожди, когда мы доберемся до Пер-Бастета, Города котов, – бросил он Асенат через плечо. – Это даже не десятая часть тех лодок, которые ты увидишь там.

Пер-Бастет чернел от лодок, синел от гирлянд из лотосов и белел от одежд людей. Задолго до того места, где река разделялась священным островом, который располагался прямо в середине, люди на «Голубом коте» стали осторожно подруливать к берегу, лавируя между лодками, и искать место для причала. Все люди стояли в лодках, играя на цимбалах, распевая песни и издавая радостные возгласы. Большие лодки натывались на меньшие. Люди на рыболовецких суденышках пытались найти место у берега, протискиваясь с помощью весел так, что время от времени то с одной, то с другой лодки кто-то падал в реку.

Наконец «Голубой кот» стукнулся носом о берег недалеко от города, где были прекрасные луга, и люди сошли на берег, окунувшись в еще больший шум и суматоху.

– Предсказание удачи!

– Инжир и дыни! – кричали уличные торговцы.

– Пожертвование для святых котов!

– Подайте бедному слепому человеку в честь праздника!

– Маг и волшебник превращает палочки в змей! Не пропустите чудо века!

Зачарованная Асенат только успевала глядеть по сторонам, но Бетэ тащил ее за собой.

– Если мы отдадим волшебнику все, что у нас есть, – строго сказал он, – с чем же мы придем? В первый месяц после нашей свадьбы необходимо купить благословение.

– Ковры! – раздавались голоса со всех сторон. – Ковры, которые согреют вас в холод!

– Это все может подождать до вечера, – сказал Бетэ. – Если мы купим ковры сейчас и оставим их здесь, то их украдут, а носить их с собой просто нет сил. Давай все же пойдем в город и принесем наши дары в храм, пока они свежие.

– Смотри! – Асенат схватила его за руку. – Пусть эти двое пройдут. – Она показала на мужчину с «Крокодила» и танцовщицу в красном ожерелье, которые пробирались через толпу к волшебнику.

– А, не обращай внимания, – сказал Бетэ уверенно. – Идем!

На всю оставшуюся жизнь для Асенат коты стали символом Пер-Бастета и всего, что она и Бетэ делали или видели на празднике. Желтые коты напоминали о широкой улице, ведущей к реке, о храме на острове в тени деревьев, сверкавшем как монета на дне корзины. Полосатые коты с разорванными ушами символизировали узкие проходы между папирусными лачугами, где ютились бедняки, жизнь которых проходила у открытых сточных канав, выкопанных прямо посередине улицы. Белые коты, любимое место которых было у ворот храма, располагались у столбов в тени внешних дворов, где бушевала толпа, а покупатели бойко торговались с уличными торговцами. Огромное количество котов расхаживали и мурчали вокруг длинных столов с дарами, терлись о ноги жрецов храма.

– Дешевле было принести свои дары, чем покупать их здесь.

Бетэ развернул шесть рыб, которых он поймал в Ниле и хранил в мокрых зеленых листьях в течение всего пути, чтобы довести их свежими. Асенат испекла простые лепешки. Конечно, они были дешевыми, потому что она не могла купить цветного сахара, чтобы украсить их. И все же она постаралась доставить удовольствие богине, придав им форму рыбок, мышек, котов. Она надеялась, что богиня оценит ее умение хозяйки.

Бетэ привел Асенат в угол храма, где торговали фигурками богини с головой кошки, и начал торговаться с продавцом ярко окрашенных фигурок-талисманов с продетыми в них веревочками.

– Надень этот талисман на шею своей невесте, – уговаривал торговец Бетэ, загадочно подмигивая. – Фигурка богини Баст принесет вам семерых сыновей, или я ничего не смыслю в предсказаниях. Я верну вам ваши деньги через десять лет, милая девушка, и к ним в придачу – серебряное колечко, если вы не приведете в храм своих семерых замечательных сыновей.

– Возможно, возможно... – начала Асенат улыбаясь, но продавец талисманов уже не обращал на нее внимания.

– Фигурки на счастье! Благословение невестам! Сюда, сюда, милые красавицы!

Он поспешил во двор предложить свой товар молодой паре, которая подходила к храму.

– Побереги свои силы для семерых сыновей, – посоветовал Бетэ Асенат, пробираясь между колоннами в зале храма.

Куда ни глянь, везде были изображены коты – белые, черные, золотистые; все эти рисунки сияли на тусклых стенах, хотя на них и не попадал солнечный свет. А вот и изображение раздающего дары и благословляющего фараона в немесе – золотом головном уборе, на который надета корона с кобрами. За ним стоят его жена и слуги. Чтобы показать величие царя, они изображены гораздо меньшими, чем фараон. Богиня Баст на золотом троне принимает от него пожертвование, при этом ее кошачья голова нарисована в профиль, и на ней надето такое же прилегающее платье, как на Асенат. Изображение Баст появляется то здесь, то там в окружении разных богов: один с головой орла, другой с головой шакала, и взгляд ее всегда направлен на фараона, который занят земными делами.

Асенат и Бетэ восхищались огромными колоннами в храме, с благоговейным трепетом рассматривая огромные каменные капители, раскрашенные красным и синим цветами. Они с удивлением и озадаченно взирали на надписи, сделанные на стенах, в которых вместо слов были мастерски нарисованные изображения глаз, рук, птиц и других символов, так что даже те, кто не умел читать, смотрели на них с восторгом.

– Гробница богини сегодня закрыта, – сказал Бетэ. – А завтра, когда ее откроют, здесь будет проходить торжественная церемония.

Когда солнце стало клониться к западу, во всех дворах разожгли огонь, и в жаровнях одновременно жарилось по два или три жирных гуся, которые крутились на шампурах. Шипящий жир капал с них на горящие угли. За небольшое медное колечко можно было получить ногу, или крылышко, или толстый кусок от грудки гуся и полный кубок пива из кувшина. Вдоль всех стен вокруг садов богатых людей мерцали лампы с маленькими фитильками, плавающими в масле. Широкая улица, ведущая к храму, освещалась таким же образом, от начала и до конца. Торговцы выкрикивали названия своих товаров, а мужчины и женщины танцевали под звуки флейт. Ночью в Пер-Бастете все коты казались черными, а позже, когда Асенат лежала со своим мужем на лугу под маленьким тростниковым навесом, она слышала лишь мяуканье котов вдалеке, а их цвет был неразличим.

Светало. Начинался второй день праздника. Все чувствовали усталость от предыдущего дня и в то же время ожидали чего-то нового. Люди с «Голубого кота» договорились встретиться на одной стороне луга, чтобы обменяться впечатлениями и похвастаться покупками. Они решили, что нет смысла спешить в город, пока богиня не появится из своей гробницы.

– Берегись людей с «Крокодила», Бетэ, – сказал один из мужчин, вставая и направляясь к реке, чтобы окунуться в прохладную воду. – Один из них, сильно пьяный, вчера ночью ходил по улице и искал тебя. Он не забыл, как ты заставил его вернуть все, что он украл с нашей стоянки в прошлом году.

– Сегодня утром от сильной головной боли ему будет не до меня, – рассмеялся Бетэ.

На второй день праздника главная улица кишела толпами людей, когда богиня Баст появилась из своего храма, чтобы благословить жителей земли, как она делала каждый год. Возглавляли процессию трубачи и музыканты храма. За ними шагали поклонники Баст, мяукающая и куврякаясь, при этом они лупили друг друга дубинками до тех пор, пока не начинала течь кровь, не обращая никакого внимания на тот шум, который создавали. Негры-карлики и танцующие шуты скакали за ними. Далее шли жрецы, флейтисты, слуги с веерами и, наконец, завершала процессию сама богиня.

Богиню Баст в ладье, сделанной из ливанского кедра, по всему городу на своих плечах носили жрецы. На ладье на серебряных столбах был установлен помост, на котором восседала Баст, защищенная от солнца и толпы полупрозрачным навесом. Белые коты, привязанные за серебряные ошейники яркими лентами и высокомерно смотревшие поверх голов зрителей прищуренными глазами, находились на палубе впереди и позади богини.

Прибывшие на праздник взревели при виде богини и бросились вперед, подняв руки вверх, прыгая и хлопая в ладоши. Стражники храма, сопровождавшие процессию, отталкивали людей, расчищая дорогу шествию.

Бетэ почувствовал сильный удар в спину и качнулся вперед. Он услышал, как закричала Асенат. Бетэ налетел прямо на стражника, который, в свою очередь, чуть не сбил с ног жреца, несшего ладью. Ладья качнулась, и на мгновение показалось, что праздник будет испорчен. Коты на ладье вскочили, и один из них, чья лента была слабо привязана, спрыгнул прямо в толпу.

Людей, находившихся вблизи от богини, стражники храма начали отгонять дубинками и кричать, чтобы они отступили назад. В поднявшейся суматохе те, кто стоял сзади, ринулись к ладье, сбивая с ног женщин и наступая на них. Лошади, запряженные в колесницы, бросились вперед.

Бетэ яростно пробирался сквозь толпу. Его головной убор слетел во время столкновения со стражником.

– Асенат! – кричал он изо всех сил, расталкивая людей. – Асенат!

Но девушки нигде не было видно.

Асенат вскрикнула, увидев, что Бетэ вылетел вперед, и продолжала кричать, когда толпа начала двигаться и толкаться.

– Следуй за мной, – сказали ей прямо в ухо, когда люди слегка расступились, и она почувствовала, что кто-то толкнул ее назад, прямо в руки человеку с «Крокодила».

– Дуреха! – грубо сказал ей прямо в ухо человек, когда она попыталась сопротивляться. – Хочешь, чтобы тебя затоптали?

И на самом деле, в этот момент Асенат почувствовала, что земля ушла у нее из-под ног, и она не упала лишь потому, что схватилась за локоть незнакомца.

– Сюда! – скомандовал он опять, с силой ударив кулаком в живот полного мужчину, толкавшего его сзади.

Они продвинулись на несколько шагов вперед. Асенат задыхалась, зажата в толпе, не в силах высвободить даже руки.

– Бетэ? – воскликнула она в тот момент, когда прямо перед ней возникло ухо худого молодого мужчины.

– Он там! – завопил парень, кивая. – Поймай его, когда он выберется из толпы. – Он стал пробираться сквозь толпу, отпихивая всех локтями, а Асенат следовала за ним.

Наконец они выбрались из толпы, растрепанные и тяжело дыша.

– Сюда! – повторил худой парень, показывая вперед. Он взял Асенат за руку, и они быстро пошли по улице, прижимаясь к стенам, где было меньше народа.

– Где Бетэ? – закричала Асенат, яростно сопротивляясь. Человек с «Крокодила» остановился у начала переулка, где можно было перевести дыхание.

– Ты видишь его? – спросил он, махнув рукой.

Асенат повернулась, чтобы посмотреть, но в этот момент высокий мужчина сильно дернул ее и торопливо увлек за собой в переулок все дальше и дальше от людной улицы.

В самом грязном маленьком переулке бедного квартала хижины стояли прижавшись друг к другу так тесно, что можно легко дотянуться рукой до стены дома на противоположной стороне. Голые ребятишки, игравшие в пыли, не обратили никакого внимания на Асенат, а старики, сидевшие у дверей, знали, что не надо вмешиваться, когда кто-то кричит. Если не счи-

татъ детей и стариков, квартал был пустым, потому что все его жители находились на улицах, где проходил праздник, во время которого легко можно было что-нибудь украсть. Худой мужчина свернул во двор дома. Сейчас он представлял собой грудку полуразвалившихся кирпичных стен. С одной стороны чернел дверной проем, а печка, почерневшая от сажи и все еще дымившаяся, свидетельствовала о том, что люди не только жили здесь, но и в честь праздника смогли приготовить себе какую-то еду.

– Проходи туда, – сказал он, втолкнув Асенат во двор. – Сиди здесь молча.

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но он с размаху ударил ее по лицу и толкнул в угол, где на земляном полу лежало несколько расстеленных ковров.

– Хватит, я думаю, она теперь будет молчать, – заговорила девушка в красном ожерелье, вставая из угла и уступая место Асенат. – Что ты думаешь делать с этой девчонкой?

– На праздник в город приехал знакомый торговец, – ответил он, выпрямляясь и тяжело дыша. – Он сможет продать ее в Фивах, и больше никаких вопросов. Это как раз Бетэ мне и задолжал за прошлый год.

Девушка, наклонившись к Асенат, отвела ее руки от лица, чтобы рассмотреть пленницу. Затем она повернулась спиной к худому мужчине.

– Подожди, – произнесла она так тихо, что Асенат догадалась лишь по движению ее губ. Пленница смотрела на девушку испуганными, широко раскрытыми глазами. – Подожди!

Асенат выдохнула, едва сдерживая слезы. Девушка поспешно встала и повернулась к худому мужчине, чтобы не пробудить его любопытства.

– Хороший план, – произнесла она громко. – Ты уже договорился с этим торговцем?

– Я поймал ее случайно и не упущу возможности отомстить Бетэ, – сказал худой человек. – Я не мог предвидеть, что мне подвернется такая удача. Но я знаю, где этот торговец остановился в городе, и к утру его найду.

– Пойди принеси воды и умой лицо, а то она тебя поцарапала, – нетерпеливо сказала девушка. – К утру? А мой дядя, чей дом ты занял для своих дел, куда ему деться на эту ночь?

Мужчина наклонил кувшин.

– Ну ладно, постараюсь найти торговца сегодня после обеда, – пообещал он. – Но девчонка пускай сидит здесь до темноты. – С этими словами он вышел.

– Быстро! – сказала девушка, резко поворачиваясь к Асенат. – У тебя есть какая-нибудь вещь, которую можно было бы передать людям с «Голубого кота»? Прекрати реветь и отвечай.

– Отпусти меня!

Девушка презрительно засмеялась:

– Средь бела дня, в квартале воров? Ты не пройдешь и трех шагов. А вот эта фигурка богини Баст – они знают о ней? Где ваши люди?

– На лугу, там, где будут выступать канатоходцы и акробаты.

– Ладно. Лежи спокойно и молчи, если тебе дорога твоя жизнь.

– Что это вы тут делаете? – спросил худой мужчина, наклоняясь, чтобы войти в дверь.

– Она просила отпустить ее, – медленно произнесла девушка. – Свяжи ее, а я пойду к моим родственникам и принесу немного еды, чтобы как-то скоротать время до темноты.

Самый длинный день в жизни Асенат медленно угасал под звуки отдаленной музыки и крики играющих на улице детей. Изредка до нее доносились звук шагов и неразборчивая речь со двора. Каждый раз ее сердце наполнялось надеждой, но никто не входил, и надежда угасала с болью в сердце. Пару раз заходила девушка и приносила воду. Асенат пила с жадностью, потому что жара в маленькой хижине была невыносимой из-за раскаленной от солнца крыши.

– Нашла ли ты кого-нибудь с «Голубого кота»? – с надеждой спросила Асенат, но девушка показала жестом, чтобы та молчала, и с озабоченным видом исчезла за дверью.

Наконец, когда в хижине стало совсем темно и очертания всех предметов в комнате растворились в тусклом свете, принимающем через дверной проем, танцовщица вошла в третий

раз и некоторое время что-то делала в другом углу комнаты. Маленький фитилек осветил комнату бледным светом. Девушка поднесла огонек к Асенат и ножом разрезала веревки, которыми она была связана.

– Я передала твой талисман человеку с «Голубого кота», – быстро прошептала она прямо в ухо Асенат. – Но я не посмела сказать им, чтобы они пришли сюда, потому что предала бы дом своего дяди. Когда наступит темнота, они будут ждать нас на берегу Нила на главной улице. Ты можешь идти?

Асенат попыталась встать, но тут же упала. Девушка с раздражением поставила лампу и наклонилась к Асенат, чтобы растереть ее затекшие ноги. Асенат наклонилась вперед, чтобы помочь ей, и головы девушек почти столкнулись.

– Ты что? – резко спросила танцовщица.

– Сильно болят ноги, – слабо сказала Асенат и опять наклонилась вперед.

Она не могла ошибиться, даже несмотря на слабый свет лампы. Под красным ожерельем на шее танцовщицы была надета веревка, та самая, которую торговец, продавший талисман, привязал к фигурке богини Баст. Асенат даже могла различить очертания фигурки, проступавшие сквозь платье танцовщицы на груди.

– Воды! – пробормотала она, чтобы протянуть время.

Если талисман не попал к людям с «Голубого кота», то никто не будет ждать ее у Нила на главной улице. Возможно, танцовщица просто подумала, что Асенат будет проще провести к реке за руку, чем нести ее укутанную, как мумию, и завернутую в старые циновки из папируса? Во время праздника вечером люди не носят никаких товаров и любая компания веселых людей может заинтересоваться большим свертком. Асенат медленно пила, лихорадочно размышляя.

«Она будет держать меня за руку очень крепко, – подумала девушка, – если в ее план входит предать меня. Если нет, то она наверняка скажет: «Положись на меня».

Пока она размышляла, танцовщица резко и с силой схватила ее за руку и сказала:

– Пошли! – и, вставая, задула лампу. – На всякий случай я возьму с собой нож.

В узком переулке было абсолютно темно, и лишь из нескольких дверных проемов падал слабый свет. Танцовщица бесшумно проскальзывала мимо них, плотно прижимаясь к стенам домов, расположенных на противоположной стороне. Асенат послушно следовала за ней, внимательно прислушиваясь к каждому шороху потому, что ей вдруг показалось, будто худой мужчина должен быть где-то поблизости и наблюдать, что все идет по плану. Но она ничего не слышала. Единственный раз, обернувшись, она заметила темную тень, бесшумно прокрадывавшуюся мимо одного из дверных проемов. Она шумно вздохнула от страха, но девушка нетерпеливо дернула ее за руку.

Асенат ничего не могла придумать лучше, чем сбежать на перекрестке с одной из пересекающих улиц, но они появлялись из темноты так неожиданно, а в это время ее руку сжимали еще крепче. Ей отчаянно хотелось найти хоть какое-нибудь оружие, пока они шли вдоль стен, но под руку не попадалось ничего, кроме концов полусгнивших веревок, свисавших с тростниковых крыш.

Звуки музыки и крики становились все громче и громче, и вдали уже показались огни. Они свернули на боковую улицу, чтобы подождать, пока пройдут двое мужчин, которые шумно шли домой.

«Сейчас или никогда», – отчаянно подумала Асенат, вспомнив о ноже.

Мужчины неуклюже прошли мимо, и танцовщица поспешила дальше по дороге, стараясь не приближаться к людям, шедшим им навстречу. Раздалось громкое мяуканье, и что-то выпрыгнуло прямо из-под ног. Танцовщица споткнулась. В мгновение ока Асенат выдернула руку и изо всех сил бросилась в темноту.

Она бежала, свернув подальше от огней и музыки, не останавливаясь и не прислушиваясь. Так Асенат мчалась до тех пор, пока не почувствовала, что начинает задыхаться. Она оста-

новилась у маленькой хижины, из которой доносился храп. Девушка пробралась в хижину и затаила дыхание, услышав приближающиеся шаги. Звук шагов стих, и было слышно, как люди разговаривают. Асенат узнала голос худого человека, который зло возмущался. Спящий человек, около которого стояла Асенат, вдруг повернулся и начал с возмущением что-то говорить, и она застыла как статуя.

Прошло некоторое время после того, как затихли шаги, а мужчина около нее продолжал что-то сонно бормотать, будто размышляя: просыпаться ему или погрузиться обратно в сон. Асенат была вынуждена дышать медленно, бесшумно вдыхая и выдыхая воздух, стараясь не шевелиться, а ее сердце отчаянно стучало. Когда наконец сонный человек успокоился, она внимательно прислушалась к звукам на улице. Шаг за шагом она тихонько прокралась к двери и осторожно ступила на улицу.

Люди уже начали возвращаться домой, и девушка вынуждена была скрываться, чтобы не встретиться с ними. Один раз она чуть не столкнулась с компанией веселых парней и вынуждена была спрятаться в каком-то дворе. Но как только Асенат дотронулась до кирпичной стены, то сразу поняла, где находится. В хижине горел свет, и девушка увидела комнату, в которой пролежала весь день. Она услышала, что кто-то ходит по хижине. Асенат низко пригнулась к земле рядом с кучей мусора, молясь, чтобы белое платье не выдало ее, если кто-то выглянет во двор.

Негромкий шум, доносившийся со стороны переулка, свидетельствовал о том, что группа людей дошла до хижины. К своему ужасу, она заметила, что люди остановились прямо напротив входа. Еще минута, и они войдут во двор.

Бежать было некуда. Куча мусора скрывала ее от случайного взгляда, брошенного из хижины, но от ворот девушка была на виду.

– Вот она! – раздался победный возглас танцовщицы, стоящей у ворот.

Асенат закричала. Из переулка раздались громкие крики, и группа мужчин вбежала во двор. Асенат закричала изо всех сил, когда худой мужчина схватил ее и с размаху ударил по лицу.

– Асенат! Асенат! – раздались крики с улицы.

– Сюда! Сюда! – в отчаянии кричала девушка.

В ворота яростно ворвались люди. Худой мужчина со всей силой ударил Асенат по голове, она качнулась и упала. Кто-то споткнулся и упал прямо на нее, быстро поднялся и бросился в драку. Теперь вопила танцовщица. Во двор вбегало все больше и больше людей, некоторые из них были вооружены дубинками, а у других в руках блестели ножи.

– Голубые коты, сюда! – кричал Бетэ. – Ты можешь идти, Асенат? Нам надо убираться отсюда как можно скорее. – Он обнял девушку за талию, приподнял ее и быстро направился к воротам. А «голубые коты» последовали за ними.

– Ну все, скорее! – кричал Бетэ, направляясь к воротам.

В следующий момент Асенат почувствовала, что ее несут по переулку. Музыка становилась громче, огни – ярче, а угрожающие крики преследователей приближались сзади.

Пока друзья Бетэ дрались, у Асенат хватило сил устоять на ногах. Когда они вышли на освещенную улицу, крики сзади прекратились, вероятно, худой мужчина и его друзья решили, что будет благоразумнее отступить. Силы Асенат иссякли, она разразилась рыданиями и прижалась к Бетэ. Остановившись, он взял ее на руки и вынес на освещенную улицу.

– Как ты нашел меня? – спросила Асенат, когда Бетэ положил ее под навес «Голубого кота» в то время, как мужчины готовили весла, а женщины снимали увядшие гирлянды из лотоса.

– Видели, как этот злодей тащил тебя сквозь толпу, – сказал Бетэ, – а у меня остались друзья в воровском квартале еще с того времени, когда мы дрались с ним в прошлом году.

– Если бы эта девушка не споткнулась о кота, – сказала Асенат, крепко прижимаясь к Бетэ, – меня бы увели с того двора, и ты не успел бы прийти ко мне на помощь.

– Это Баст спасла тебя, – успокаивающе сказал Бетэ. – Она всегда защищает невест, значит, она приняла наши дары. А ты еще должна родить семерых сыновей, чтобы отблагодарить ее и привести их к ней.

– Только не в Пер-Бастет, – сказала Асенат с дрожью. – С меня хватит этого Города котов.

Дочь плотника

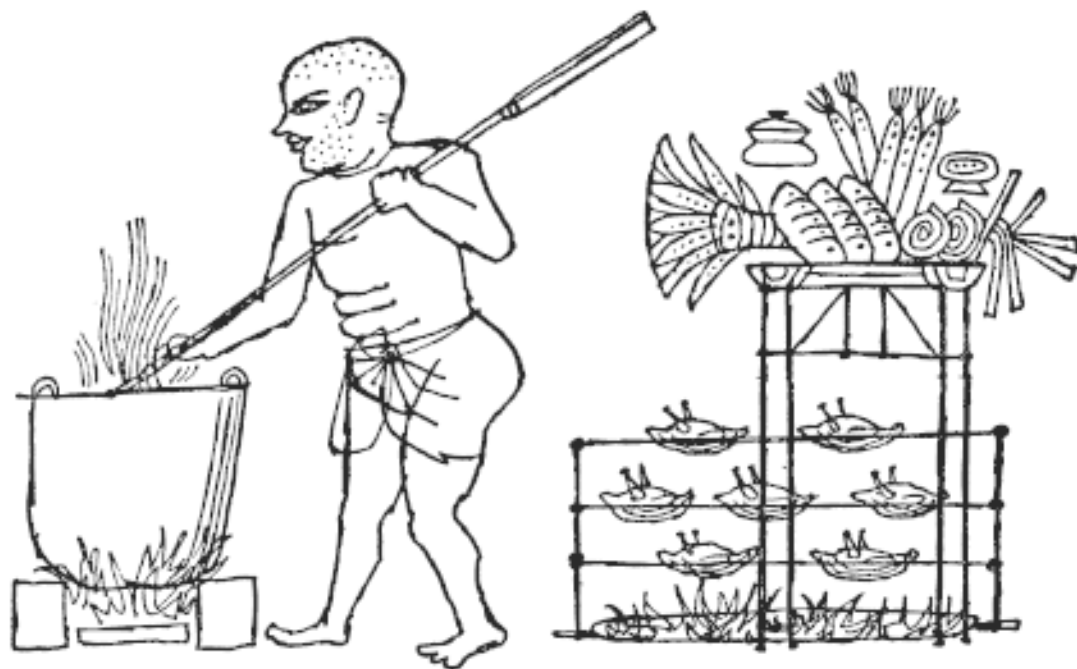

В полдень у Сенмена подавали обед, и аппетитный запах тушеного мяса заполнял всю улицу. Люди с осторожностью несли домой порции горячего мяса, политые соусом: они не покупали сырые продукты, чтобы сэкономить на топливе. Лезвия бритв сверкали в руках голодных цирюльников, предлагавших клиентам свои услуги прямо в столовой за остатки обеда со стола. Слуги расставляли скамейки для клиентов в тени под навесом. Во дворе в огромных жаровнях тушилось мясо, на вертелах жарились утки, и слуги разносили фрукты, вино и хлеб из кухни.

Сам Сенмен был круглым, сальным маленьким человеком в одежде из грубого полотна и простом парике, из-под которого в это время дня начинает струиться пот. В руках у него была палка, которая придавала ему величественный вид, но чаще он использовал ее для того, чтобы подгонять слуг, отгонять вороватых собак или угрожать нищим. Он сердечно приветствовал всех постоянных посетителей, а тем временем быстро соображал, кто сколько ему должен, при этом не ведя никаких записей и делая все расчеты в голове. Незнакомцев приглашали с поклоном и почтением и, немного поторговавшись, позволяли оплатить оговоренную порцию жареной утки, фруктов, медовых лепешек, политых кислым вином, веером или парой новых сандалий.

К часу дня становилось жарче, и воздух тяжелел от полуденной жары и запаха кипящего мяса. Сенмен все чаще стирал пот с лица, а те, кто закончил обедать, располагались на полуденный отдых прямо в столовой, удобно устроившись на полу вдоль стены. Теперь слуги могли задерживаться у столиков с опоздавшими и фактически оттеснили одного нерасторопного цирюльника прежде, чем он успел дотронуться до остатков обеда, оставленных ему клиентом. Сенмен со своими близкими друзьями обычно обедал поздно, а затем в мгновение ока избавлялся от оставшихся посетителей.

– Прошло время золотых дел мастеров, – решительно сказал морщинистый, темнокожий человек, когда владелец столовой пододвинул скамейку и с жадностью начал есть полуостывшее мясо. – Когда-то люди нашей профессии жили зажиточно, пока богачи не скупили ремесленников, изготавливавших для них ювелирные изделия. А сейчас мы проводим все свое время на улицах в поисках заказов, и когда мы получаем их, то нам приходится делать грубые изделия за мизерную плату.

– Если хочешь, давай поменяемся профессиями, – предложил красильщик, протягивая свои морщинистые руки, покрытые несмываемой фиолетовой краской, от которых шел ужасный запах гнилой рыбы. – По крайней мере, от вас люди не отворачиваются, когда вы проходите мимо.

– И вы не работаете день и ночь, чтобы не умереть с голода, – вступил в разговор сапожник. – Если хотите знать, я затащил зубами так много узлов из кожаных полосок на сандалиях, что даже тушеное мясо Сенмена имеет вкус ужасно выделанной кожи.

– Ну а не думаете ли вы, что это так привлекательно часами обслуживать посетителей в нестерпимой жаре, – парировал Сенмен.

– А вот писец, – сказал пожилой маленький золотых дел мастер, возвращаясь к начатой теме. – Конечно, больше чем десять лет в школе, где ничего не зарабатывают и хорошо едят, – это огромная жертва. Однако подумайте о результатах! У меня есть дядя, который работает учетчиком одного из больших зернохранилищ и живет богато, и все потому, что он научился читать и писать.

– Но таких же дядей немного, – заявил каменщик с воспаленными глазами и мозолистыми руками, к нему обращался золотых дел мастер. – Мне кажется, он мог бы послать тебя в школу, и ты бы тоже стал писцом.

– Мог бы, – согласился золотых дел мастер, подмигнув, – если бы тогда не обнаружилось, что он украл восемь тысяч бушелей¹ пшеницы из зернохранилища и продал их. Всему виной этот случай, а то я также мог бы стать великим человеком.

---

¹ Один бушель = 36,3 дм³.

– Сын моей сестры – писец, – сообщил Сенмен, отодвигая остатки тушеного мяса. – Он ведет счета своего хозяина-плотника и должен был жениться на моей дочери. Но, как ни странно, несмотря на его превосходные перспективы, она даже не смотрит на него.

– Туи даже не смотрит на него? – воскликнул потрясенный сапожник, всплеснув от удивления длинными, худыми руками. – Сын вашей собственной сестры и в самом деле писец?

– Выпори ее плетью, – кратко посоветовал каменщик.

– Порол, – ответил Сенмен, – а она вылила в пиво какую-то отраву и испортила его. Дешевле оставить ее в покое.

– И зачем только мы пили это вино, – сказал красильщик, уныло покачав головой, недовольный качеством вина. – Да... Сегодня молодые люди не имеют никакого уважения к старшим.

– У Туи, наверно, есть другой возлюбленный, – предположил сапожник, – иначе бы она не поступила так глупо.

– Да у нее их столько, сколько мух в моей столовой! – закричал Сенмен, отгоняя гудящий рой от остатков еды на его столе, как бы в подтверждение своих слов. – Всякая шушера околачивается около моего двора. Давно пора бы уж уладить отношения с Тинро. Он парень постоянный и никогда даже не смотрит в сторону других девушек.

– Да, нехорошо получается, – мудро заметил золотых дел мастер. – А пусть он обратит внимание на дочку плотника для разнообразия.

– А у плотника нет дочки, – возразил Сенмен уныло, – и в любом случае Тинро не тот молодой человек.

– Ну, тогда ему действительно нужна помощь, подберем ему девушку, – сказал, улыбаясь, золотых дел мастер. – Я бы не знал, как это делается, если бы мои пять дочерей не научили меня. Будешь ли ты, Сенмен, кормить меня месяц бесплатно, если я покажу тебе, как заставить Туи изменить свое мнение?

– Договорились, – сказал Сенмен, подсчитывая расходы.

– В таком случае к обеду вместо вина подавай мне пиво.

– Сколько пива?!

– Так ты хочешь все уладить с Туи или нет? – нетерпеливо воскликнул золотых дел мастер. – Заключим пари?

– Заключим! – воскликнул сапожник, протягивая ладонь. – Давайте заключим пари на троих. Тогда у золотых дел мастера будет равный шанс.

Дом Сенмена находился за столовой. Его окна выходили во двор, который раньше принадлежал одной семье, а теперь двором пользовались несколько семей. За столовой располагались булочная и кладовая, от которых тянулся коридор в спальни, расположенные на первом этаже. Днем было прохладнее на верхних этажах, так как через отверстия в крыше дул ветерок. А свет в комнаты проходил сквозь двери затененных балконов, в которых почти не было окон. Здесь, после полуденного отдыха, Сенмен и нашел свою дочь, заглаживавшую складки на полотняных одеждах: сначала она смачивала накрахмаленный материал, затем разглаживала его рукой на дощечках с желобками. Он раздраженно заметил, что работа выполнена только лишь наполовину, в то время как у дочери нашлось время накрасить губы и сделать замысловатую прическу. Более того, сын жившего по соседству булочника (несимпатичный парень с прыщавым лицом, который частенько бывал навеселе) болтался во дворе, вместо того чтобы делать миндальное тесто для пирога, который надо было выпечь на следующий день. Сенмен не мог понять женских вкусов.

Взбодороженный этими тревожными размышлениями, он вышел на балкон и принялся журить свою дочь.

– Я же предупреждал тебя, что Тинро устанет от твоих капризов! – воскликнул он, сорвав парик и зачерпнув воды, чтобы охладить свою бритую голову. – Он уже написал замечательную поэму, посвященную дочери плотника, Тосерт.

– Ну и пусть, – ответила Туи, презрительно качнув головой так, что запрыгало бесчисленное количество глиняных шариков, вплетенных в волосы, которые пышной копной обрамляли ее лицо. – Надеюсь, что для нее Тинро нашел менее скучные фразы, чем те, что он говорил мне.

– Он написал красивую поэму о любви, – возразил ее отец, зная, что на противоположном балконе некрасивые и завистливые дочери булочника подслушивали их разговор. – Что касается тебя, то каждое слово, я должен признать, соответствует твоему легкомысленному поведению.

– Как посмел Тинро упомянуть мое имя? – воскликнула Туи, топнув ногой. – Я никогда в жизни не скажу ему ни слова.

– Я полагаю, что у тебя вряд ли будет такая возможность, – ответил Сенмен, надевая парик. – Дочь плотника очень симпатичная девушка и к тому же подходящая пара для Тинро.

Выпалив эти слова, он вышел из комнаты, а на следующий день сообщил друзьям, что три варианта поэмы Тинро громко зачитывали во дворе под хихиканье слушателей.

– Туи в ярости испортила почти все медовые лепешки, – жаловался он. – Действительно, слишком дорого стоит этот план.

– Следующий шаг будет еще более дорогостоящим, – заявил золотых дел мастер, которого не тронули эти жалобы. – Тебе уже пора уяснить, что девушки требуют больших расходов!

Через несколько дней после этой беседы Сенмен помирился со своей дочерью, подарив ей маленький браслетик, который он с большой неохотой купил у золотых дел мастера. «Он дешевый, так как сломан, – солгал Сенмен, – но золотых дел мастер обещал починить браслет, если он тебе приглянется».

Туи поблагодарила его и, поцеловав, отправилась через рыночную площадь, при этом не упуская случая пощеголять своим полотняным платьем, плотно облегавшим ее фигуру, бусами, двумя браслетами и цветком, заколотым в волосы. Нарядно одетая, она привлекла огромное количество восхищенных взглядов. Она чувствовала, что ее настроение поднимается впервые с тех пор, как его испортило отвратительное поведение Тинро. Туи взглянула из-под длинных ресниц на молодого человека, продающего горшки, и он улыбнулся ей. Девушка кивнула симпатичному, безупречно одетому молодому парню и повела плечом в сторону торговца

рыбой, восхищенно проводившего ее взглядом. К тому времени, когда Туи дошла до улицы золотых дел мастеров, она походила на медовую лепешку, облепленную роем пчел.

Туи сделала большую ошибку, не подозревая, что золотых дел мастер, ожидавший ее прихода после полуденного отдыха и увлеченно споривший с какой-то нищенкой в этот момент, мог бы не заметить девушку. Предупрежденный хорошо знакомым свистом, он заметил ее как раз вовремя, прекратил спор и немедленно послал раба за Тинро.

– Скажи ему, что Туи хочет, чтобы он купил ей браслет и немедленно прибежал сюда, – приказал он.

Туи гордо ступила в мастерскую золотых дел мастера и показала ему свой браслет, в то время как наиболее преданные ей поклонники остались на улице в ожидании. Неторопливо золотых дел мастер достал маленький молоточек, наковаленку, щипчики и начал разжигать горелку для нагревания металла. Он мог растянуть работу на несколько операций, чтобы не нарушить орнамента и не испортить браслет, поэтому он должен был нагревать и выковывать очень мелкие детали изделия одновременно.

После спайки золото охлаждалось в воде, тщательно очищалось песком и полировалось.

– Я не помню, когда я видел более прелестный браслет, – заметил золотых дел мастер, поднося его к свету, дохнул на него и стер грязное пятнышко с поверхности большим пальцем. – Или столь симпатичную девушку, которая носила бы его, – добавил он, искренне улыбаясь.

Туи слегка подняла брови, но не потому, что удивилась комплименту, а потому, что заподозрила что-то неладное. У младший дочери золотых дел мастера была причина невзлюбить Туи, и она с нетерпением ждала конца беседы. Чтобы сменить тему разговора, дочь мастера нервно оглянулась вокруг и заметила незаконченную работу на наковаленке.

– Это тот самый браслет, который ты ремонтируешь? – спросила она.

Золотых дел мастер был рад поговорить об этом браслете, к которому он относился как к единственно выгодному заказу, полученному за последнее время. Десять минут спустя он, показав Туи, разложил камни, чтобы вставить их в браслет. На пыльном полу он попытался нарисовать расположение камней на изделии.

– О! Это же подарок к свадьбе, – заметил он, присев на корточки и выглянув на улицу, где появился бегущий молодой человек. – Это для дочери плотника от ее жениха, талантливого молодого писца.

– Ну надо же! – воскликнула Туи, побагровев от ярости, но, заметив, что золотых дел мастер на нее больше не смотрит, успокоилась.

– А вот и сам писец! – воскликнул он, притворяясь удивленным. Притворство было незаметно, так как золотых дел мастер на самом деле волновался, когда же появится Тинро.

– Туи! – закричал юноша, протягивая к ней обе руки и восхищенно сияя.

Туи смотрела на него, на мгновение потеряв дар речи, в то время как слезы негодования засверкали в ее красивых глазах.

– Как смеешь ты говорить со мной? – воскликнула она наконец.

Туи оттолкнула Тинро и выбежала на улицу, преследуемая возгласами ожидавших ее поклонников. Несчастный Тинро смотрел ей вслед. Это был очень высокий, худой молодой человек с торчащими коленями и локтями, – ссутулившись и нахмурившись, он провожал взглядом девушку и выглядел очень озабоченным.

– Как же я могу жениться на ней, если она не хочет со мной даже разговаривать? – воскликнул он. – Как жаль, что она не расположена ко мне.

– Возможно, она стесняется, – предположил золотых дел мастер.

Тинро задумался и покачал головой.

– Нет, – сказал он решительно, отклоняя это предположение. – Только не Туи!

– Хорошо, тогда тебе надо научиться вести себя с ней по-другому, – сказал золотых дел мастер, – а человек, у которого пять дочерей, может тебе в этом помочь.

Тинро согласился на его предложение, и золотых дел мастер, обедая у Сенмена, объявил о продаже изумительного браслета.

– Тинро не столь глуп, как кажется, – отметил он с одобрением, – он прекрасно понимает, что поступки говорят громче, чем слова. Я думаю, самое время устроить все таким образом, чтобы он бросил дочь плотника, тем самым сильно огорчив ее.

– И сколько этот новый шаг будет мне стоить? – спросил Сенмен с беспокойством.

– Месяц бесплатных обедов, – уверенно ответил золотых дел мастер, – включая пиво.

Он не был бы так уверен в результате своего плана, если бы знал, что Туи в тот момент тщательно готовилась к схватке с дочерью плотника. В действительности у нее не было и мысли, чтобы не выйти замуж за Тинро, который, по ее мнению, был прекрасной парой. Туи, однако, часто задавалась вопросом, как заставить его быть более решительным и сделать ей предложение, и, чтобы подразнить Тинро, уделяла внимание сыну булочника. Она вела бы себя иначе, если бы могла предположить такое неслыханное, возмутительное поведение своего жениха, приведшее к разрыву их отношений. Ее отец уже начал подготовку к их свадьбе, и все соседи считали, что они подходящая пара. Туи не предвидела такого поворота событий и была рассержена поступком Тинро. Но она была совершенно уверена, что станет объектом насмешек, если не вернет своего возлюбленного. Даже сын булочника, помолвленный с младшей из дочерей золотых дел мастера, каким бы непробудным пьяницей он ни был, никогда не оставил бы свою невесту ради девушки, кем-то брошенной. Туи стала относиться к Тинро с б'ольшим уважением, когда все эти мысли пронеслись у нее в голове. Она никогда не могла даже подумать, что он способен на такой решительный шаг.

Поглощенная этими мыслями, Туи шла через рынок, не замечая своих поклонников. Когда она повернула на одну из узких улиц, ей пришлось отступить в сторону, чтобы пропустить пару ослов, везших сено и занявших всю дорогу. Владелец лавки, поджидавший покупателей, как паук поджидает свою жертву, преградил ей дорогу. Туи безразлично оттолкнула его руку и вдруг задумалась, как же ей удастся войти в дом плотника. В Фивах было не принято, чтобы девушка ходила по улицам одна, даже недолгое время, иначе она становилась целью для грубых шуток со стороны детей, нищих, носильщиков, иностранных солдат, уличных торговцев, лавочников и даже священнослужителей. И хотя Туи доставляло удовольствие, когда на нее обращали внимание, сейчас она хотела остаться незамеченной.

К счастью, в мастерской плотника оказалось только двое работников: один обтесывал доски быстрыми, умелыми движениями, а другой шлифовал гладким камнем шершавую поверхность ножки кровати. При виде Туи они сразу же прекратили работу и поприветствовали ее.

– Я хочу видеть Тосерт, дочь вашего хозяина, – сказала Туи. – Она дома?

Шлифовальщик выглядел озадаченным, а второй, помоложе, с теслом в руках, пододвинул скамейку и подмигнул своему компаньону.

– Почему бы не подождать немного? – предложил он. – Мы обязательно заметим ее, когда она будет входить в дом.

– Не глупи, – сказал старший работник. – Скажи девушке, что она ошиблась мастерской и пусть уходит.

– К сожалению, у моего отца нет дочерей, – признался молодой человек, – хотя я знаю, как он будет сожалеть об этом, когда увидит вас.

Покраснев от смущения, Туи не могла поверить, что у плотника нет дочери, и упрямо твердила, что ей необходимо с ней встретиться.

– Тинро пишет поэмы! – воскликнул сын плотника. – Я не верю этому! Вы бы не поверили, если бы увидели этого парня своими глазами!

– Не валяй дурака, – сказал старший работник. – Конечно, она видела его. Я могу предположить, – любезно добавил он, поворачиваясь к Туи, – этот молодой писец выдумал девушку, чтобы заставить вас ревновать.

Глаза Туи наполнились слезами, и она опустила голову. Она чувствовала: что-то надо сказать на прощание, но не могла произнести ни слова.

– Вы знаете, – сказал работник, – мне даже нравится его изобретательность. Сейчас его намного легче простить, чем если бы он флиртовал с кем-то на самом деле. Как нам кажется, вам не надо было приходить сюда и не стоит больше думать о дочери плотника. На вашем месте я бы вышел замуж за Тинро, он заслужил это.

– Правильно, – подтвердил рабочий помоложе. – Но если вы захотите отплатить ему, можете смело рассчитывать на меня. Мне будет очень приятно. – И он подмигнул ей.

– Спасибо, – сказала Туи, подмигнув ему в ответ. – Возможно, обращусь когда-нибудь.

– Я думаю, что этой девушке наша помощь не понадобится, – произнес старший работник с горечью в голосе, глядя вслед уходящей Туи. – С такой женой будет нелегко, и я думаю, что Тинро поступает правильно по отношению к ней.

– И кто бы мог подумать, – сказал молодой работник задумчиво, – что такой серьезный молодой человек, как Тинро, мог придумать такую историю?

Туи была такого же мнения, когда прошло первое потрясение от услышанных в мастерской плотника вестей. Она стала ожидать свадьбу если не с волнением, то, по крайней мере, с интересом – на что же еще будет способен Тинро. Она отвернулась от сына булочника, когда они встретились во внутреннем дворе, и до нее дошел слух, что дочь плотника бросили безо всякого сожаления.

– Я так и знала, – сказала она отцу. – Никто не сможет полюбить такую девушку, как эта.

Сенмен был просто ошеломлен ее словами, но побоялся продолжить беседу, чтобы не взболтнуть лишнего о дочери плотника. Однако он заверил своих друзей, что все идет по плану. Спустя два-три дня Туи получила починенный браслет и приняла этот подарок с радостью, несмотря на то что получила его не от Тинро. Это приободрило Сенмена. Золотых дел мастер считал, что Тинро нельзя доверять историю о дочери плотника, поскольку он слишком бесхитростен и прямолинеен, чтобы притворяться.

– Если она вдруг захочет поговорить с ним, то сразу же узнает правду о пари, – возражал он.

– А как же они поженятся, если не будут разговаривать? – рассудительно заметил Сенмен.

– Нужно им подослать кого-нибудь, кто мог бы их примирить, а потом уж они смогут встречаться открыто, – сказал золотых дел мастер. – Я помогу это устроить. – И он отправился домой.

Отношения молодых людей оставались без изменения в течение нескольких дней, а золотых дел мастер хвастал на каждом шагу тем, что он может бесплатно обедать и пить пиво у Сенмена. Но это благодушное настроение внезапно разрушилось новостью о том, что Туи выходит замуж за сына булочника. Сначала это известие привело компанию в ужас, но потом было одобрено. Они тихо обсуждали его в углу столовой, в то время как Сенмен был занят обслуживанием последнего клиента.

– Я всегда говорил, – заметил красильщик, – что легкомысленное поведение Туи до добра не доведет.

– Он будет бить ее, – заявил каменщик, полностью согласный с красильщиком.

– Непременно будет, – подтвердил золотых дел мастер, обескураженный случившимся. – Я думаю, ей это пойдет на пользу, а он будет обходить пивную стороной. Мне кажется, они подходящая пара!

– Можно подумать, что это была твоя идея, – с возмущением сказал сапожник. – А как же твой план?

– Видишь ли, – признался золотых дел мастер, – даже человек с пятью дочерьми не может каждый раз предугадать поступки девушек. Я сделал ошибку, выбрав свою дочь для примирения Туи и Тинро, потому что она, как оказалось, влюбилась в него. К несчастью, она была помолвлена с сыном булочника и переживала, почему он не обращал на нее внимания. Боюсь, что она раскрыла мой план, так как было задето ее самолюбие. Естественно, Туи не могла выйти замуж за Тинро, с тех пор как узнала, что мы заключили пари на их свадьбу.

– Естественно, – согласился сапожник. – Так тебе и надо, тебе и твоей дочери.

– Насколько я знаю, моя дочь хотела примирить Тинро и Туи, – сказал золотых дел мастер самодовольно, – тем более что она испытывает к Тинро сочувствие и симпатию.

– Ты хочешь сказать, что... – прервал его красильщик удивленно.

Золотых дел мастер кивнул.

– Это означает, что закончились мои бесплатные обеды, – с сожалением сказал он. – Но тем не менее я все же извлек некоторую пользу из своего плана, да и в конце концов Тинро – отличная пара для моей дочери!

Талисман

Еще не взошло солнце, когда мать стала собираться на реку, чтобы занять хорошее место для стирки, не преминув напомнить мне, что я должен заботиться о доме.

– Наши негодники соседи положили глаз на мой талисман, – ворчала она, разламывая на куски твердый темный хлеб, который подавала нам на завтрак. – Почти все они воры, и позволю себе заметить, что в городе немного домов, где нашелся бы такой же красивый талисман, как мой.

Я искренне пообещал заботиться о талисмане.

– Не выходи из дому, – приказала мать. – И никаких игр на улице.

– Ладно, мам.

Старый Мути, живший по соседству, начал тарабанить в перегородку так, что маленькие кусочки сухой грязи засыпали весь пол.

– Иду! – заторопилась мать, взвалив корзину с грязным бельем на плечи. – Я не разрешаю вам трогать хлеб до моего прихода. В нашем доме почти не осталось еды. – С этими словами она вышла.

Я и отец сидели в темноте скрестив ноги, не зажигая лампы, чтобы сэкономить масло, и медленно жевали хлеб, наблюдая, как слабый серый свет в дверном проеме становился светлее. Отец дал мне глоток пива. Он всегда так делал, когда мы оставались одни, при этом молчал, приберегая силы для долгого рабочего дня, в течение которого ему приходилось таскать тяжести на длинных веревках. Когда очертания домов на другой стороне улицы, видных в дверном проеме, стали четкими, отец вышел, шаркая ногами, как делают все рабочие, чтобы не растрачивать силы. Я закончил свой завтрак в одиночестве.

Работа по дому не заняла много времени. Я расправил тростниковые подстилки, служившие нам постелью, несколько раз провел по грязному полу метлой из прутьев, и мне показалось, что комната стала чистой. Я внимательно осмотрел кувшин, в котором хранилось зерно, и глиняную печать, которой он был запечатан. Неплохо было бы пожевать горсточку зерна, и я бы не упустил случая сделать это, но знал, что получу трепку, если мать обнаружит, что кувшин открывали.

Я не посмел сломать печать на кувшине с зерном, поставил его на место и направился к двери, чтобы выглянуть на улицу. Я вспомнил, что мне надо было еще подмести улицу перед домом. Моя мама воспитывалась в зажиточном доме. Вокруг дома был двор, а посередине двора росло инжирное дерево, под которым обычно отдыхали хозяева. Она так и не смогла привыкнуть к коркам от дыни и к рыбьим головам, которые люди выбрасывали на улицу и которые обычно скапливались около нашей двери, потому что мы жили в конце улицы, прямо

у городской стены. Я поднял пару гнилых луковиц и изо всей силы швырнул их, прицелившись в пятую дверь, где, как я знал, жили девчонки, слишком трусливые, чтобы отругать меня. К несчастью, луковицы попали в дом Сети, а так как он знал, что у нас был день стирки, не раздумывая швырнул их обратно, причем вернулись они гораздо быстрее. Одна попала мне точно в лоб, когда я выглядывал из-за двери. Какое счастье, что я не начал уборку улицы с чего-нибудь потяжелее.

После этого не было смысла продолжать уборку улицы. Сети был по крайней мере на два года старше меня и достаточно рослым, чтобы уже ходить на работу со своим отцом, чего и я желал от всей души.

– Я покажу тебе, как бросать мусор к моему двору! – вопил он. – Я соберу половину рыбьих голов со всего города и свалю их перед вашей дверью, и только посмей не убрать их!

Он отлично знал, что мама выпорот меня, если ей придется переступить через мусор, когда она вернется домой.

Теперь не приходилось ожидать ничего хорошего, если день так ужасно начался. Мои друзья были уже на улице, и, если бы не Сети, я мог бы присоединиться к ним. В городе увлекались новой игрой, которую уже знали все дети, и мы играли в нее всего лишь три или четыре дня. Мы чертили на земле квадраты ногой и бросали черепок от разбитого горшка, а потом прыгали на одной ноге из одного квадрата в другой, пиная эту битку. Это была хорошая игра, потому что мы загадывали победителя и могли выиграть веревку, или цветной камень, или кусок настоящей медной проволоки. Накануне вечером отец принес мне сокровище, стоящее действительно хорошего пари, – кусок от плитки, выброшенной строителями от нового дворца фараона, с изображением головы утки.

Я решил забраться на крышу, взяв с собой голову моей утки, и наблюдал оттуда, что делали мои друзья. Позже, когда все успокоится, я смогу спуститься и участвовать в игре. Но, хорошенько подумав, я пошел к глиняному сундуку, в котором хранились самые ценные вещи, и достал талисман. Пока я буду на крыше, кто-то может войти, и поэтому я решил, что талисман надежнее взять с собой.

Талисман матери, плоское, широкое плечье, вышитое крошечными синими бусинками, расположенными близко друг к другу, сзади свисавший широкой полосой, на которой ярко-красными нитками были вышиты священные знаки, передавался в маминой семье из поколения в поколение и всегда доставался самому красивому ребенку. Мать, единственная из одиннадцати детей, кому достался талисман, очень верила, что когда-нибудь наступит день, и эта драгоценная вещь принесет ей необыкновенную удачу, тем более что до сих пор ей в жизни не очень везло.

Маленькие дети никогда не носили одежду, и я не был исключением. Только в дни праздников я надевал короткое опоясание, поэтому мне ничего другого не оставалось, как надеть плечье-талисман на себя так, что красные знаки, свисавшие вдоль спины между лопатками, отпугивали дьяволов, как если бы у меня на затылке были глаза. Когда я вырасту, талисман будет моим, хотя, честно говоря, это не делает чести единственному ребенку в семье.

Распластавшись на животе на краю крыши, я свесил голову и наблюдал за игрой, происходящей на улице. Тая стояла на одной ноге во втором квадрате покачиваясь и не сводила взгляда с осколка от горшка, который лежал прямо у линии третьего квадрата. Я знал, как трудно выиграть в таком положении: Тая должна прыгнуть в третий квадрат и одновременно пнуть битку в четвертый так, чтобы не коснуться ногой линии. Девочка зажала в руке яркий красноватый камень, и в ее глазах сверкали слезы от страха, что она может проиграть.

– Вперед, давай! – раздалось несколько голосов ребят, которые стояли вокруг.

Тая нагнулась вперед, чтобы прыгнуть, но резко изменила решение и выпрямилась, теряя равновесие.

– Ну, сдавайся, Тая! – вопил Пепи, с нетерпением протягивая руку.

Девочка встала на две ноги и зарыдала.

– Это нечестно! Ты подтолкнул меня, – всхлипывала она.

– Это не я! – кричал Пени с негодованием. – Отдавай камень.

– Он не толкал! – закричал я, до пояса свесившись с крыши, и бросил сороконожку на шею Таи. Пеппи был моим другом.

Тая закричала и со всей силы швырнула в меня драгоценным камнем. Так как она была девчонкой, то, конечно, промазала, и в эту же минуту Пени схватил ее за волосы, и они стали кататься по земле. В ответ я хотел облить ее грязной водой, но случайно окатил других ребят, и вскоре на меня посыпались палки, камни и прочий мусор.

Я посчитал, что будет разумнее скрыться, поэтому спрятался между навесом и стеной. Навес представлял собой самодельное неуклюжее сооружение, огороженное с трех сторон и покрытое крышей, а четвертая сторона открывалась ветру. В такие дни, как сегодня, под навесом было нестерпимо жарко, но зато душными вечерами, когда нагретый воздух поднимался от зловонной дорожки, под нашим навесом дышалось прохладным чистым воздухом. За навесом была стена вдвое выше меня, даже когда я стоял на его крыше. Эта стена тянулась с одного конца города до другого. За ней, насколько мне было известно, располагались дома, в которых жили стражники и слуги, а также другие важные люди, кому фараон доверил строительство этого города и для которых отец таскал камни, привезенные по Нилу баржами.

Я достал кафельную плитку с изображением утки и ее острым краем стал выцарапывать на стене грубый портрет Таи, испугавшейся сороконожки, которая попала ей на шею. Вдруг большой кусок грязи размазался на стене и испортил рисунок. Дело в том, что стена и город были возведены временно, только для того, чтобы приютить рабочих, пока не будет построен город, который по своей красоте должен превзойти Фивы. И как только фараон закончит его строительство, и стена, и жилища рабочих рассыплются в прах. Иногда казалось, будто между новым городом, который рос на глазах, и временным, который вот-вот должен рухнуть, существует соревнование. И вдруг меня осенило, что я могу проковырять в стене дырку своей плиткой. И если бы мне удалось зацепиться за что-нибудь, мог бы посмотреть через стену.

Я начал процарапывать еще одну дырку немного выше. Возможно, я смогу подняться вверх, так как стена несколько сужалась. Опасность состояла в том, что грязь будет рушиться под моим весом, и я рискую упасть. Царапать сломанной плиткой, держа ее над головой, оказалось не так просто. Два или три раза мне пришлось прилечь в тени, чтобы отдохнуть, но я упорно продолжал ковырять стену, тем более что все равно мне нечем было заняться, чтобы скоротать время. Сначала я царапал очень осторожно, но спустя какое-то время осмелел, и работа пошла полным ходом.

Щелк! Край моей драгоценной плитки отломился и просвистел мимо моего уха. Я с ужасом понял, что клюва у моей утки больше нет. Очень огорчившись, я бросил вниз плитку и вернулся на край крыши.

Драка внизу давно закончилась, а мои друзья все еще не успокаивались и продолжали кричать. Сети, все еще крутившийся поблизости, уже успел пожалеть о том, что ввязался в историю с луковицами, иначе он отправился бы к своей любимой девушке, которая жила на другой улице.

В ужасном настроении вернулся я к стене и хотел продолжить работу. Но, едва притронувшись к стене, вдруг почувствовал, что один из кирпичей шатается. В следующую минуту я вытащил его и просунул руку в отверстие. Край стены оказался шероховатым.

Я запрыгал от радости. Кирпичи составляли только верхний слой, а внутри стены были щебень и камни. Легко ухватившись рукой за твердый выступ и просунув ногу в дырку, я начал раскачивать следующий кирпич. Мне предстояло сделать еще четыре дырки, чтобы ухватиться за верхний край стены. Пришлось несколько раз откладывать работу и отдыхать, а один раз даже идти за водой, чтобы смыть пыль и пот. На крыше было нестерпимо жарко, но мне

это было на руку, поскольку никто не обращал на меня внимания. Я тяжело дышал, а сердце бешено стучало, и его стук отдавался в голове. Наконец мне удалось ухватиться за край стены сначала одной рукой, потом другой и заглянуть внутрь.

Я не смог ничего разглядеть, разве несколько кустов и пруд. На некотором расстоянии был виден дом, наполовину скрытый за деревьями. Приложив усилия, я взобрался на стену и повернулся лицом к улице. С разодранных коленок струйками стекала кровь. Победившая сторона вернулась к игре.

– Эй! – тихонько позвал я, бросив маленький камешек, чтобы привлечь их внимание. – Эй, посмотрите на меня!

Пепи резко повернулся и от удивления вытаращил глаза. Он открыл рот и тут же закрыл его рукой.

– Ух ты! – воскликнул он. – Как тебе это удалось? Если тебя увидят, то тебе не жить.

– Ух ты! – хором вторила восхищенная толпа.

Я еще никогда в жизни не имел такого успеха, и ощущение победы вскружило мне голову.

– Удалось? – гордо спросил я. – Вы только посмотрите на меня!

Я медленно поднялся на ноги. Мне казалось, что я нахожусь очень высоко над землей, а верхний край стены был очень узким. Я начал танцевать и размахивать руками, показывая, что могу удержаться на стене, подпрыгивая все выше и выше, поскольку отметил, что зрители смотрят на меня с восхищением.

– Эй! – отчетливо услышал я тоненький голосок по другую сторону стены.

Сердце у меня екнуло, и я попробовал повернуться во время прыжка и посмотреть, кто меня зовет. Естественно, я потерял равновесие: закачался, пытаясь удержаться на узком крае стены, соскользнул и исчез за стеной.

Очевидно, мамин талисман имел очень большую силу, потому что благодаря ему я угодил прямо на огромную кучу мусора, оставленную садовниками. От удара у меня перехватило дыхание, но не повредил ни руку, ни ногу, не набил даже ни одной шишки. Бывало, падая со ступенек, я ушибался намного сильнее.

– Эй! – опять услышал я тот же тоненький голосок у себя за спиной как раз в то время, когда пытался выбраться из кучи. – Зачем ты спрыгнул?

Я заморгал и изумленно огляделся. Я лежал на земле, прижавшись спиной к стене, а с трех сторон вокруг меня были свалены в кучу ветки кустов с розоватыми и фиолетовыми цветами, между стеной и кучей веток стояла маленькая незнакомая девочка, такая красивая, что я поспешно замахал руками, делая знаки, которые могли защитить меня, окажись она злым духом.

Она была меньше меня, а ее кожа казалась намного глаже и нежнее. Ногти на руках были покрашены в тот же бледно-красный цвет, что и губы, а тонко подведенные тени окаймляли ее большие темные глаза. Единственная длинная прядь на ее бритой головке была аккуратно причесана и блестела. На ней не было никакой одежды, а лишь кольца и браслеты, вроде тех, которые носят молодые женщины. Ее шею покрывало широкое оплечье. Оно свисало ниже груди, сияя красными, золотыми, синими и зелеными блестящими полосками. Его край украшали цветы голубого лотоса, а из-под него виднелся знак Атона, нового бога фараона, в форме большого золотого диска, окруженного лучами, в виде ладони, протянутой для благословения.

– Ч-ч-что ты здесь делаешь? – спросил я заикаясь, в надежде выяснить, добрый она дух или злой.

– Я просто слушала, что говорят дети по ту сторону стены, – объяснила она. – Они говорили такие слова, которые я никогда в жизни не слышала. – И она назвала некоторые.

– О боже! Так нельзя говорить, – торопливо прервал я. – А что сказала бы твоя мама?

– Я думаю, она рассмеялась бы, – сказала она глубокомысленно. – А вот няня – та уж точно разозлилась бы.

– Даже моя мама не позволила бы мне так говорить, – отметил я. – А зачем ты слушаешь, что говорят плохие дети?

Она вздохнула:

– Как бы мне хотелось поиграть на улице без взрослых!

Я посмотрел на ее безупречные руки и чистую, без единой ссадины, кожу и покачал головой.

– Тебе бы это не понравилось, – усомнился я. – Всякие там корки от дынь и вонючие рыбки головы.

– Я никогда не видела рыбью голову, – упорствовала она. – Неужели она пахнет еще хуже, чем эта куча мусора? Я сейчас чихну!

– Нет, тебе это точно не понравится, – повторил я и стал объяснять, как мы живем. – Так или иначе, ты не можешь перелезть через стену.

– Да, я знаю. Но мы могли бы и здесь поиграть во что-нибудь.

Я засомневался и начал размышлять о том, как попаду домой. Наверняка этот сад обнесен стеной, не хватало еще, чтобы меня поймали.

– А во что ты умеешь играть? – Я медлил, потому что чувствовал себя безопаснее около кучи мусора.

– У меня есть вот что, – сказала маленькая девочка и, шмыгнув в кусты за моей спиной, что-то оттуда вытащила.

Я подошел посмотреть. Это была фигурка ребенка, вырезанная из дерева и ярко раскрашенная, с париком из настоящих волос и в крошечном платье с красным поясом. Ее руки и ноги соединялись так, что кукла могла садиться или вставать.

– Я никогда не видел ничего подобного, разве что только в храме, – сказал я с восхищением, трогая пальцем ее мягкие темные волосы. – Даже фигуры в храме не могут сидеть. Что еще она умеет делать? Это – бог?

– Она ничего больше не умеет, – ответила девочка, – но мы могли бы играть – я была бы мамой, а ты – папой, а под этим кустом был бы наш дом.

– Ну-у, мне кажется, это не очень интересно, – возразил я, опасаясь, что мы по-разному понимаем, что такое дом. – Давай играть знаешь во что? – Я быстро начертил в пыли ряд квадратов и осмотрелся вокруг в поисках маленького кусочка высохшей грязи, отпавшей от стены. – Я тебе покажу ту самую игру, в которую играют дети на улице.

Маленькая девочка запрыгала от радости. Я позволил ей немного потренироваться, прежде чем объяснять правила игры. Как я и подозревал, она еще никогда в жизни не прыгала на одной ноге, не говоря уже о том, чтобы пинать кусочек глины. Я легко мог бы выиграть.

– Давай теперь играть по всем правилам, – сказала она, немного освоившись, – на что-нибудь, как все. Если ты победишь, то забереешь мое оплечье, а если выиграю я – ты отдашь свое.

Я вздрогнул от неожиданности:

– Я не могу его отдать, это – мамино.

– Конечно же ты отдашь, – рассердилась она и топнула ножкой. – В конце концов, что еще ты можешь поставить на кон?

Я согласился, подумав о том, что в любом случае победа за мной. Я терпеливо дождался своей очереди и прошел все восемь квадратов без единой ошибки, а затем передал ей черепок.

Она просто чудом перепрыгнула во второй квадрат, а прыгая в третий, оступилась. Я притворился, будто ошибки не заметил, потому что с интересом следил за ее старательными движениями. Когда же она коснулась ногой земли в другой раз, мое терпение лопнуло.

– Ты проиграла, – не выдержал я. – Ты стояла на земле двумя ногами.

Она сердито посмотрела на меня.

– Хорошо, – сказала она, – я начну сначала, ведь я еще тренируюсь. Кстати, сейчас же отдай мне свое оплечье.

– Но ты же еще не победила! – воскликнул я с негодованием. – Я легко обыграю тебя.

– Нет, я выиграю, – заявила она. – Я всегда выигрываю, потому что я – дочь фараона.

Я задрожал и изобразил знак, который мог нас защитить.

– Не говори так, – испуганно произнес я. – Фараон – бог, и никто не смеет шутить над ним. Как тебе не стыдно лгать? Фараон не живет здесь.

– А он и не стал бы жить в таком противном местечке, как это, и с той толстой женщиной, – неистово сказала она, и на глазах у нее выступили слезы.

– Если бы ты была его дочерью, то не была бы сейчас со мной.

На мгновение девочка потеряла дар речи. Затем быстро глотнула и сжала золотой знак Атона на груди.

– У моего отца святая болезнь, – начала она наконец. – Бог проникает в него иногда, и тогда он кричит и падает на землю в страшных судорогах. Когда бог одерживает верх над ним, он спокойно лежит и видит странные видения, но, пробуждаясь от них, чувствует себя очень плохо.

– Что так бывает с фараонами, все знают, – отметил я скептически.

– Ну вот, например, сегодня, когда мы поехали посмотреть новый храм, который строит мой отец, мы случайно проезжали по этой улице мимо этого злосчастного дома. Внезапно мой отец закричал и скатился с колесницы. Моя мама тут же с громким криком соскочила на землю, призывая слуг на помощь. Слуги подняли его и занесли в дом. Тогда я тоже туда вошла и увидела толстую женщину, от которой пахло точно так же, как от этой кучи мусора. Женщина бегала с воплями и отдавала приказание слугам. Она мне совсем не понравилась, и никто не заметил, как я потихоньку вышла в сад. Они могут найти меня.

– Они будут искать тебя повсюду, – сказал я в ужасном испуге, зная, что будет, если меня найдут здесь с ней.

– Ну и пусть, – сказала она надувшись. – Мне все равно. – Она отвернулась от меня и хотела сорвать цветок от куста. – Святая болезнь пугает меня, – сказала девочка, немного помолчав, и я заметил, как ее плечи задрожали. Она заплакала.

Я подошел и молча встал у нее за спиной, не смея до нее дотронуться. Она заплакала еще сильнее, но все же не очень громко.

– Ну ладно, возьми мой талисман, – сказал я, пытаясь ее успокоить, и в отчаянии протянул ей оплечье. – Он всегда приносит удачу нашей семье, и кто знает, может быть, принесет и тебе. Видишь эти красные знаки, которые висят на спине? Они отгоняют злых духов! Я думаю, что тебе сразу станет лучше, как только ты наденешь его.

Она посмотрела на талисман, а потом бросилась ко мне, обняв меня за шею. Я не посмел обнять ее и стоял как столб, хотя мне было очень приятно ощущать ее мягкую щеку на моем плече и аромат темных волос.

– Если я возьму талисман твоей матери, – сказала она, – тогда ты должен взять мой.

С этими словами она сняла тяжелое оплечье и надела его на меня.

В тот же миг раздался громкий вопль, и кто-то выскочил из кустов, схватив меня прежде, чем я успел выскользнуть из рук маленькой девочки и убежать. Я изо всех сил пытался вырваться, но меня так крепко держали за руки, что даже закружилась голова, а когда мне вывернули руку, я вскрикнул. Молодой парень засмеялся и, снова ударив меня, потащил сквозь кусты к дому.

– Это уличный мальчишка, хозяйка, – кричал он, – он дотронулся до принцессы! Я схватил его как раз вовремя.

Высокая толстая женщина тяжело спускалась по склону от водоема, ее парик съехал набок, а большие руки заработали как весла, когда она побежала. Ее слуга крепко держал меня, она била меня по голове, пока по лицу не потекла кровь, потому что на ее пальцах были надеты тяжелые кольца.

– Как ты посмел поднять руку на принцессу? – кричала она задыхаясь. – Получай! Вот тебе еще! Это еще ничего по сравнению с тем, что тебя ждет! Вот тебе!

– Отпусти его! – кричала принцесса и колотила толстую веткой.

На мгновение она прекратила меня бить и посмотрела на принцессу.

– Почему я должна его отпустить, принцесса Меритатон? – воскликнула она. – Мальчишка украл ваше оплечье и мог бы даже убить вас. Маленький злодей! – Она ударила меня снова.

– Он спас мою жизнь! – кричала принцесса отчаянно. – И вы еще пожалеете о том, что в вашем саду так опасно гулять.

– А что было в моем саду? – озадаченно спросила толстая женщина. Она отпустила меня и удивленно уставилась на рассерженную маленькую девочку.

Принцесса Меритатон озираясь вокруг, на ходу придумывая, что бы сказать. Ее взгляд упал на крошечный пруд, заросший водяными лилиями.

– Крокодил! – громко воскликнула она.

– Крокодил?

Принцесса Меритатон кивнула и посмотрела прямо в глаза толстой женщине.

– Оттуда вылез большой-пребольшой крокодил, – торжественно произнесла она, указывая на безобидный водоем, в котором не согласилась бы жить даже большая лягушка. – Он чуть не съел меня, а этот мальчик прогнал его.

– Но...

– Вы думаете, что я это все напридумывала? – с вызовом спросила Меритатон. – Я еще не то могу рассказать, если захочу, и моя мама поверит всему. У нас был раб, который дразнил моего щенка. Я рассказала про него моей маме, и раба убили. Я думаю, что и вас убьют тоже, если вы не сделаете так, как я скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.